

себе идиллически. Западные хроники повествуют о тяжелых боях чехов с баварцами и саксонцами; известно, что Болеслав в течение 14 лет воевал с Оттоном I. Во всей средней Европе на рубеже IX и X вв. наблюдается глубокий экономический упадок, торговые пути прерываются, старые культурные области варваризируются.

Известие о динарии князя Вацлава — результат нумизматической ошибки. Теперь обычно считается, что его чеканили в начале XI в., притом в Польше. С помощью Кристиана можно доказывать что угодно, Пекарж, например, построил на его основе лучезарный образ золотого века чешской культуры при Людмиле и Вячеславе. Но Кристиан рисует в самых мрачных тонах современную ему Моравию. Напомню его известные слова: «... *diversis cladibus attrita usque in hodiernum diem deflet*». В рассказе о культурной жизни при Вацлаве Кристиан повторяет «Crescente»: «*ad eum seu apes alvearia, haut secus sacerdotes, levite plurimique famuli dei confluunt Bavariorum, Sweworum aliarumque provinciarum locis, reliquiis cum sanctorum bibliothecisque plurimis*».⁵

В этом контексте мы не обсуждаем вопроса, достоверно ли сообщение «Crescente». Для нас важен факт принятия его без возражений Кристианом; значит, у него не было представления ни о каком расцвете славянского богослужения при Вацлаве. Лишь новейшим историкам дано фантазировать в том роде, что, например, Вацлав поручил написать старославянское житие Людмилы.

Передача известия о баварских и швабских ксендзах, при Вацлаве валом валивших в Чехию, ярко характеризует механичность христиановской компиляции. Историю Вацлава, начинающуюся со Спитигнева, Кристиан по существу, а часто и текстуально оставил в том виде, какой она имеет у автора первой Вацлавской легенды — «Crescente»; только местами он дополнил ее мотивами из 1-го старославянского жития Вацлава. Зато он дал волю своим славянским симпатиям, а также последовал за своими старославянскими источниками в первых двух главах. Между «Crescente» и Паннонскими житиями зияла пропасть. При всей механичности своей работы Кристиан должен был ее чем-то заполнить. Борживой был настоятельно необходим как мост между Моймировцами и Пржемысловцами; связующее же звено между святыми, действовавшими в Моравии IX в., и святым на Пражском столе — это крещение Борживоя. Борживой и его крещение возникли, судя по всему, в силу композиционных потребностей Кристиана. Введение Кирилло-Мефодиевской легенды в рамки чешской истории нужно было как-то мотивировать; в произведении агиографического характера наиболее удачным решением было представить Мефодию крестить Вячеслава деда. Крещение Борживоя связано с пророчеством Мефодия: «... *dominus dominorum tuorum efficeris, cunctique hostes tui subicientur dicioni tue et progenies tua cottidie augmentabitur velut fluvius maximus, in quo diversorum confluunt fluentia rivulorum*». Мефодий — провозвестник величия рода и державы Пржемысловцев; тем самым полностью обосновывается его вступление в чешскую историю.

Напрасно было бы искать источник Кристианова сообщения о пророчестве Мефодия; очевидно, оно возникло из-за композиционных потребностей его труда. Конечно, речь идет здесь не о личной выдумке автора; пророчество о будущем величии Чехии выросло из тогдашнего положения и притязаний державы Пржемысловцев. Из грамоты об основании Пражской епископской кафедры, повторенной в грамоте 1086 г. (и бла-

⁵ WLL, стр. 109, 33; ср. «Crescente»: «*multi sacerdotes de provincia Bavariorum et de Suevia, audientes famam de eo, confluebant cum reliquiis sanctorum et libris ad eum*».